
Прачечная
для
чудовищ
Ариадна Шафран

Ариадна Шафран

Прачечная для чудовищ

«Автор»
2026

Шафран А.

Прачечная для чудовищ / А. Шафран — «Автор», 2026

В прачечную Нилы носят вещи, которые соседняя прачка и щипцами не возьмёт. Но на этот раз ей досталось пальто с пятном крови, которая прольётся только завтра.Нила слышит в пятне голос Ладки. Утром та собирается спуститься к старому водяному колесу, где кто-то уже приготовил ловушку. Тиша видела у решётки чужую руку. Если постирать пальто, девочка забудет то, что там увидела.Пока Нила ищет способ спасти Ладку, одна улика приводит её к давнему паводку. В Веретёне все знают, отчего тогда поднялась вода. Вот только следы на старых трубах говорят другое.

© Шафран А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Тёплый рукав 5
2. Фамилия у колеса 9
3. Чёрная улица 13
4. Четыре зарубки 16
5. Пятно на подкладке 20
6. Ключ с рыбьим зубом 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Прачечная для чудовищ

1. Тёплый рукав

В тот день вода в прачечной кончилась в тот самый миг, когда госпожа Кремнехвостая опустила хвост в мыльную ванну.

Ей было семьдесят, хвосту, с её слов, семьдесят пять. Он отрос ещё в яйце, так что должником перед ним она считала себя с рождения. По вторникам госпожа Кремнехвостая вымачивала его в ванне, по субботам расчёсывала жёсткой щёткой. В городе у неё было шестеро внуков. Пятеро унаследовали хвост, шестой собирался отращивать на спор.

— У меня назначено полоскание, — сказала она.

Я дёрнула кран. В медной трубе всхлипнуло. Так чихает младенец, которого решили не будить.

— На полоскание осталось два кувшина из печки. Если вы обещаете не пускать пар из ушей, хватит.

— Пар из ушей человек пускает от удовольствия. Когда я недовольна, у меня загораются ресницы.

Я сняла крышку с первого кувшина. Вода пахла яблоневой щепой. Я берегла её на ночь, чтобы размочить крахмал на чужих воротничках. Потом мне оставалось вытащить из мыла одно бельё, положить туда другое и до утра никому не открывать. Когда есть два кувшина воды, кажется, что можно устроить себе свободный вечер. Надо только правильно выбрать, кого ты готова выпустить на мороз с мыльным хвостом.

Кремнехвостая наклонилась вперёд, прижала обе ладони к краю ванны. Я ополоснула хвост из кувшина. Чешуйки открылись, вода прошла до самого корня. На каждой чешуйке, если смотреть против света, виднелась насечка. Госпожа Кремнехвостая знала, где какую заработала. Там, где я сейчас держала пальцы, когда-то сидел лис. Он принял её за горелое бревно и увидел свою ошибку слишком поздно.

— За мной, — велела она, — не запирай. У Ладки в мастерской трубу прихватило. Сама она к вам собиралась.

— Полотенце взять?

— Что ты заладила. У нас с утра в умывальнике лёд. Ты людям воду носишь?

Госпожа Кремнехвостая полезла за деньгами и уронила берестяную воронку. С такой и ребёнок может налить из кувшина, даже если когти не гнутся. Я вытерла воронку и подала ей.

— Если к вечеру вода не пойдёт, приходите сюда с чайником. На печке место найдётся.

— С каким чайником? Нила, ты хоть знаешь, сколько у нас подъездов?

Она всё-таки взяла воронку. Напоследок дёрнула хвостом, поймала кончик в ладонь и спрятала под подол. За дверью не было слышно ни одного её шага. С хвостом она умела ходить так тихо, что единственным признаком её визитов оставался дымок над латунной ручкой.

Пока я вытирала пол, на заднем крыльце скрипнуло колесо для бельевых рам. За ним ухнул канал. Я сразу поняла, кто пришёл. Борох ставил ногу в середину ступеньки. У Греи шаг был короткий и тяжёлый с одной стороны. Тиша старалась попадать по гвоздям. В её отцовских башмаках гвозди отзывались по-разному, и она уже выучила три ноты. Три ноты она и сыграла, пока я отпирала.

На крыльце никого не было. Зато в щель между перилами просунулась деревянная рыба. Рот у неё был открыт, будто она заглотила мой бельевой шнур. Из-за рыбы поднялась круглая шапка, потом два Тишиных уха. Снег на шапке лежал сухой.

— К тебе можно сверху, — сказала я.

— А отсюда тебя слышно лучше.

Она перебралась через перила, уронила рыбу, поймала её за бечёвку. Дерево стукнуло по нижней ступени. Тиша подтянула рыбу и заглянула ей в рот. Туда, где должна была быть челюсть, она продела узкую медную полоску. Полоска висела чуть наискось. Если рыбу пустить по каналу, она всегда поворачивает нос к более сильному течению. Тиша проверяла, с какой стороны набережной можно спуститься к воде, когда она поднимется.

— Сегодня с пятой ступеньки сдуло снег, — сказала она. — Вчера там был снег. Ты оттуда воду брала?

— Нет. Печь топлю с утра, у меня свой запас. А что, под пятой сухо?

— Уже мокро. Если смотреть сверху, кажется, что сухо.

Я отступила, чтобы она прошла. Тиша не пошла. Потянула за край моего фартука и кивнула на берег. По ту сторону старого колеса, на служебных ступеньках, Грея переставляла ящик с железом. Она управлялась одной рукой. Вторую держала у груди, потому что на сгибе локтя у неё висел садовый нож с лезвием в кожаных ножнах. Нож брали для мешков с углём. Если мешок от сырости набухнет, узел легче отрезать.

— Она там с утра, — сказала Тиша. — Я думала, воду к дому вернёт.

— Она вернёт, если может. Иди вниз, пока подмётка не отвалилась.

Подмётка на правом башмаке и в самом деле отошла. Тиша поставила ногу мне на порог, выжала из носка чайную ложку воды, затем сама вытащила из моего кармана булавку и прикрепила подошву к верху. Это была длинная булавка с тупым концом. Я держала её, чтобы в темноте наколоть на бельё бумажку. Тиша застегнула булавку с внутренней стороны и проверила застёжку ногтем.

— Верну, когда до дома дойду, — сказала она.

— Тогда не сегодня. На лестнице четыре ступеньки сломаны.

Она прижала рыбу к животу. С улицы донеслось, как из соседнего дома вытряхивают на снег мелкие дрова.

— Мне папу надо оттуда забрать, — сказала Тиша, кивнув на колесо.

— Он на нижней площадке?

— Я уже заглянула. Там женщина за решёткой. Думала, Грея. Грея вон где. Та, другая, сказала, что у папы перерыв и пусть я принесу ему чаю. Только чаю она взяла две кружки.

Если человек с ребёнком говорит из-за решётки, этого ещё мало, чтобы о нём думать дурно. Я спросила, как одета женщина. Тиша показала на мой рукав: мокрый до локтя, закатанный и засунутый под завязку. Она различила через решётку одну руку.

— Там внизу голоса смешиваются, — добавила она. — Я думаю, она была у внутренней двери. Я сверху говорила.

Я вынесла на крыльцо пустую кружку, перевернула её на перилах. Из кухонного окна эта кружка казалась белой точкой. Так Леон мог понять, что Тиша у меня, если её искал. Мы придумали это летом, когда она начала залезать на крыши. Разве кто-нибудь станет говорить человеку, куда уходит, если ему десять минут назад сказали не ходить туда?

Грея на берегу подняла голову. Увидела кружку и помахала. На морозе пальцы она держала врозь, и два средних так и остались согнутыми. Бабушка когда-то отмачивала эти пальцы в овсяном киселе. Она кутала руку Греи в пуховый платок, затем просила меня открыть все окна, чтобы та не видела, как ей больно. С тех пор, когда Грея приходила, я всё ещё сперва смотрела на окна.

— Оставь мне половину печки! — крикнула она. — У Кремнехвостой окна в инее.

— Что с водой?

Она не ответила. Взяла ящик под локоть и ушла к тёмной лестнице под колесо. Лестница служебная, с берега на неё можно было попасть с обоих концов. Я проводила взглядом её короткую неровную походку. Через несколько ударов колеса стало тихо. Грея остановилась внизу, где её уже было не разглядеть.

Я впустила Тишу, заставила её снять башмаки и принесла сухие носки. Потом поднялась в сушильную. Я обычно забывала о ней до вечера, когда в верхнем окне становилось видно огни на противоположном берегу. Над лестницей было низко. Борох, если поднимался за бельём, переносил голову под последней балкой боком, чтобы не зацепить целым рогом. На балке осталась белая царапина. Она была на высоте моей поднятой ладони.

Первую раму я дотянула легко. На ней сушились три полотенца, рубашка господина с верхнего рынка и шерстяной чехол, из которого выпирали два конца проволоки. Вторая рама подалась тяжело, под деревом заскрипело. Что-то держало её снаружи. Я сняла скобу, подтолкнула раму локтем. Она поехала мне навстречу быстрее, чем я ожидала.

На доски упало чёрное пальто.

Его подкладку я шила сама. На сгибе ворота оставила две петли для шарфа. Борох терял шарфы, стоило ему только чихнуть. У этого пальто оба рукава надставлены чёрной шерстью. Чуть выше левого локтя я когда-то ловила иголкой мелкие неровные дырки от костра. Теперь под ними было красное пятно.

Сначала я решила, что под стеклом ещё горит лампа. Красный цвет светился, словно у самого сукна внутри осталось тепло. Я поднесла полотенце, остановилась и убрала его. Поверхность пятна двигалась. Над одним краем проступал белый ободок и ложился обратно, мерно, как вода вдоль причала. Я пощупала место на ладонь выше. Рукав был тёплый. В сушильной уже можно было выдохнуть облако пара.

Рама вернулась из бокового окна, а у бокового окна был выход на короткий шнур над обратным течением. Я думала, шнур свернули в прошлую оттепель. При мне Борох на том окне развешивал только полотенца. Полотенца в семье трубача умеют испачкаться в самых неподходящих местах. Ему надо было их высушить до вечера, и я бы тоже взяла первую свободную прищепку.

На полу возле пятна валялось что-то крошечное. Я поддела соринку ногтем. В левой руке оказалась сухая гвоздика, такая, какую втыкают в айву перед тем, как поставить в печь.

За мной дважды стукнули по ступеньке.

— Мне можно посмотреть? — спросила Тиша.

Я накрыла пальто первым полотенцем. Пятно просвечивало даже так.

— Сходи за лампой. И захвати сухую миску. Ничего из кувшинов не лей.

Пока она спускалась, я отворила боковое окно. Во дворе стоял ранний зимний вечер. Вдоль берега стлался дым. В верхнем потоке вода шла к мельнице, а под стеной, где шнур был переброшен на другой конец площадки, вода тянулась в обратную сторону. Под берегом за решёткой она могла идти против канала, когда работала старая помпа. Я увидела шнур, натянутый низко над полосой течения. Четыре прищепки на нём от ветра поворачивались носами на север. Пятая была перевёрнута и захлопнулась поперёк верёвки. Борох держал прищепку правой рукой, если в левой у него труба. Пустое место на верёвке ему искать некогда, он защёлкнет там, где сможет дотянуться.

Тиша вернулась. В одной руке у неё лампа, в другой миска, перевёрнутая вверх дном. Она поставила лампу на пол, медленно перевернула миску, вытащила из неё рыбку и положила на ступеньку.

— Если кровь, я могу сходить за водой, — сказала она. — Кремнехвостая мне ногу когда-то промыла водой с солью.

— Соль у меня есть.

На верхней ступеньке, между окном и сушильней, бабушка держала жестяную банку с солью. Тиша когда-то пыталась отвернуть её, думала, что там пуговицы. Крышка не поддалась. Секрет был в одном маленьком зубце. Я нашла его пальцем, повернула крышку, насыпала немного соли в сухую миску. Сверху опустила красный край рукава, не давая ткани лечь на дно.

Сначала в миске прошуршало, как если бы в рукав сыпали битое стекло. Трижды подряд ударило железо. Кто-то поставил ногу на пустую жестянку, жестянка покатилась. Тиша заглянула в миску сбоку. Я отодвинула её плечом. В миг, когда на соляные крупинки упал свет от лампы, кто-то сказал:

— Открой ладонь. Я руку вытяну.

Голос был глухой, а голос Ладки, когда она говорила у железной двери или опускала голову в чужой чулан, всегда звучал так, будто она греет горло платком.

После этих слов стало тихо. Соль сдвинулась на дне, как песок на сушильной раме, если ту чуть накренить. Я подняла край рукава, и ни одна крупинка к нему не прилипла.

Тиша села на пол.

— Где она?

Я посмотрела на двор. На другом берегу уже закрывали общие ворота. За день они успели обрасти льдом, сторож бил по нижней петле киянкой. Раз, другой, третий. Обычные, глухие удары. Те, что звучали в миске, были звонче.

— Сейчас она, наверное, у себя, — сказала я. — Это случится завтра.

Тиша потрогала собственный локоть, потом спрятала руки под мышками. Внизу за дверью звякнул колокольчик. Кто-то вошёл в прачечную, потоптался и отставил к стене тяжёлый предмет. Я решила, что принесли пустой чайник. Я поднялась. Подол фартука зацепился за пуговицу пальто. Пока я высвобождала ткань, ладонь легла прямо на красное. Она осталась сухой.

2. Фамилия у колеса

На пороге прачечной стоял Борох. Он обнял пустой бак и упёрся подбородком в край. Бак полагалось держать за ручки, но одной ручки давно не было, а вторая примерзала к руке.

— На Гончарной лестнице сухо, — сообщил он из бака. — У третьего дома кран молчит. В первом ещё капает, если приоткрыть и ждать. Человек на шесть воды наберётся.

Из-за бака вышла госпожа Кремнехвостая. На плечи она накинула пальто, под которым прежде носила хвост свободно. Теперь пришлось продеть через рукава обе руки и застегнуться до подбородка. В такой одежде она поднималась по улице за водой. До ближайшего дома с работающим краном было три пролёта. Я прикинула, сколько она простоит там на ногах.

— Оставьте бак здесь, — сказала я Бороху. — У меня дрова в ящике. Если поставить на печь старый медник и натопить снегу, к ужину будет вода.

Кремнехвостая дёрнула носом. В старом меднике стирали собачьи подстилки. Если наполнить его доверху, по стенкам всплывут волоски. Но можно было взять медник, отскрести дно толчёным кирпичом и, если никто не видит, обдать хвойным паром. Я уже тянулась за щёткой, когда у меня под локтем оказалось Тишино плечо.

— Покажи ему пальто, — сказала она. — Скажи, чтобы не нёс его мыть.

Вместо ответа я поставила на плиту второй кувшин. Кремнехвостая посмотрела на меня. Она слышала каждое слово. Мы обе отвели глаза.

— Медник я скоблить умею, — сказала она. — И кирпич у меня есть. Хвост посижу погрею заодно.

Борох пошёл за мной наверх. На последней ступеньке нагнулся, как всегда. Рог прошёл под балкой. Он поднял голову, и я заметила с краю уха узкий надрыв, порозовевший от мороза. Если спросить, болит ли, Борох ответит, что привык. Так он всем говорил.

Пальто лежало под полотенцем. Я отогнула угол. Борох наклонился. Сначала пальто он узнал по рукаву, потом по кровавому пятну. Над отметиной от костра ещё шевелился светлый край.

— Положил на сушку у тебя, — сказал он. — К себе нести мокрым холодно. Хотел утром снять. Я порвал ухо гвоздём у бокового окна. Там раму заклинило.

Я коснулась его уха. Он резко втянул воздух.

— Долго кровь шла?

— На платок капнула. Я его сразу свернул.

— Ты пальто надевал после?

Борох помотал головой. Он держал руки так, будто уже собирался взять пальто, но никак не мог решить, куда деть большой палец.

— Кто завтра наденет пальто? — спросила я.

— Ладке. Она завтра за колесо полезет. Её пальто прелым пахнет, на спине проступили точечки. У неё есть один тёплый шарф, он даже в дверях не достаёт до плеч. Я сказал, оставлю своё здесь. Завтра заскочит, как только у печей отзвонят.

— До завтрашнего вечернего звона в нём кто-нибудь умрёт, если ничего не сделать. Я слышала Ладку.

Борох выпрямился слишком быстро. Рог задел балку, вниз посыпалась белая труха. Мы вместе посмотрели на соринки, осевшие на полотенце.

— Я не дотянулся до нормальной рамы, — сказал он наконец. — Короткая идёт легче. Я её на себя тянул, пока скоба не попала в паз. Там как раз два свёртка кто-то снял.

— Мой короткий шнур раньше был снят.

— Утром Грея поставила скобу. Сказала, общие рамы у вас переполнены, а над короткой сегодня тёплое течение. Я ещё подумал, почему у нас зимой когда надо тепла нет, а когда сушишь бельё, целый рукав горячий.

У двери в сушильню стояла Тиша. Под мышкой у неё был ящик, из которого она обычно выбирала пуговицы, пока ждала отца. Должно быть, она хотела поставить его на ступеньку и послушать. Теперь поставила, отодвинула крышку, достала сразу пять пуговиц. Разложила их по величине. Самая маленькая была медная, с пустым гнездом посередине.

— Если Ладка завтра умрёт, кто это увидит? — спросила она.

— Я видела пятно. Ты слышала голос. Это другое. Свидетель — тот, кто уже видел начало. Скажем, кто-то открыл люк. Свидетель видел, как открывали. Завтра человек идёт по своей улице, наступает туда и падает. На одежду попадает вода. Если ткань сегодня была на обратном шнуре, можно узнать, что ему грозит. А если постирать след, у свидетеля пропадёт память о том, кто открыл люк.

— А если люк открывала я и сама видела?

— Тогда не вспомнишь ты.

— До самого конца?

— Только это. Где ты жила, кто тебя утром будил, чего тебе хочется на обед, останется.

Тиша подула на пуговицы. Я думала, они сдвинутся с места и она снова начнёт их раскладывать, но она дула с закрытым ртом. Щёки у неё едва заметно надулись.

— У нас в доме никто не знает, кто выпустил воду в ночь, когда мама утонула, — сказала она.

— В верхнем затворе тогда сломалась тяга. Я слышала, как нашли обломок.

— Папа говорил, одиннадцать человек были там и никто не мог сказать, где стоял перед самым паводком. Папа говорил, это страшно. Вода под тебя лезет, и потом всё путается. Мне тогда не дали посмотреть на снег, когда её принесли.

Она взяла медную пуговицу. Провела по пустому гнезду ногтем. Я знала, откуда она. Такие носили женщины у колеса, которым приходилось близко подходить к открытым ремням. Пуговица гладкая, за ремень не зацепится. Эту пришивала я, много зим назад. Потом её нашли в волосах.

— Сегодня где ты была, когда видела руку у решётки? — спросила я.

— Руку у двери я видела, из окна сверху. Потом пошла на воздух, увидела Грею. Внизу кто-то открыл железную коробку. Там что-то три раза ударило. Я потому у тебя в миску смотрела. Удар был такой же.

Она посмотрела на Бороха и опять спрятала пуговицу, на этот раз в карман.

— Я тебе могу нарисовать, где был люк, — добавила она.

Внизу зазвенела дверная ручка. Госпожа Кремнехвостая открывала приходившим по-своему. Сначала высовывала голову и спрашивала, у кого есть кочерга. Если была кочерга, впускала сразу. Если не было, просила показать ладони, чтобы понять, можно ли этому человеку поручить медник. Мы спустились. У скамьи уже стояло три вёдра, два пустых. В третьем лежал снег. На снегу помещалось блюдце с щепоткой муки. Тому, кто принёс снег, надо было заодно проверить, что случилось с водой.

Войдя последней, Ладка стянула с головы платок и повесила на латунную ручку. В руках у неё были горячие айвы, уложенные в подол фартука. Она выложила их на скамью. Из трещины на одной торчала гвоздичка.

— На Кремнехвостой лестнице в разводе под трубой лёд, — сказала она мне, как будто разговор мы уже начали вчера. — Грея обещала дать ключ от решётки завтра. У неё сегодня вечером вся пристань занята. Можно до завтра отогреть плиту, но надо понять, почему к отоплению вода пошла рыжая. У нескольких домов труба от ночи до ночи делается всё холоднее.

Она взяла айву с гвоздичкой и достала из кармана нож. Когда Ладка разрезала айву, сквозь яблоневый дым пробился запах гвоздики. Я понюхала пальцы, которыми держала соринку из рукава. Они пахли точно так же.

— Что с рукой? — спросила Ладка у Бороха.

У Бороха на ладони белела полоса от края бака. Он спрятал руку в карман.

— Тебе завтра нужно моё пальто?

— Если просохло.

— Оно ещё у меня, — сказала я. — Давай ты спустишься завтра с Греей. Или мы спустимся вместо тебя. Ты покажешь, откуда смотреть, пока ещё светло.

Ладка поднесла нож к айве и не дорезала. Я смотрела на её ладонь. На ладони по диагонали бежала красная полоса. Так ложится верёвка, если держать тяжесть и потом её резко отпустить.

— Ты уже там была сегодня?

— У нижней решётки была. Заперто. Крыса застряла на полке между зубьями. Я перетащила её через воду на шнуре для фонаря, пока больше некому было. Когда животное напугано, оно так хватается, что сквозь рукав чешется.

Она раскрыла ладонь. Красная полоса шла от подушечки большого пальца. У самой складки я увидела следы двух маленьких когтей. Я наклонилась над полосой. Когда звук из миски проходил через соль, мне показалось, что человек говорит изнутри моей руки. Теперь я услышала бы его и с пустой миской.

— Что ты говорила крысе? — спросила я.

Ладка подняла взгляд. В дверях стучали башмаками. Борох взял с верстака нож, положил так, чтобы лезвие ушло за край доски и никто случайно его не схватил.

— Я с крысами не разговариваю, — сказала Ладка. — Они умеют делать вид, будто всё поняли. Если дать им право отвечать, управы на них не найдёшь.

Она наконец дорезала айву. Половину положила мне в руку. Сердцевина была мягкая. Я бы сжала её, и сок потёк бы по запястью. На ступеньке, где Тиша сняла башмаки, лежала её деревянная рыбка. Я подняла взгляд на Ладку и рассказала, что видел шнур.

Всё это время госпожа Кремнехвостая скоблила медник. На слове «завтра» перестала. Поднесла к свету кусок кирпича, словно собиралась предъявить его в доказательство, что ей послышалось. Потом положила кирпич на плиту.

— Тогда вам к гидромастеру, — сказала она. — У него есть ключи от всех решёток. Включая те, которые он говорит, что потерял.

Ладка тихо рассмеялась. У Кремнехвостой не дрогнули даже ресницы.

— К Севрину я ходила на прошлой неделе. Он прислал мальчика с термометром и велел мерить воздух у самого пола. Послезавтра будут мерить потолок. На повороте трубы так ни разу и не были.

Она доела свою половину айвы, стёрла сок с ножа клочком бумаги и сложила бумагу так, что оба липких края ушли внутрь. Потом вытащила из кармана четыре медные монетки. У каждой краешек был смазан рыжей, чуть маслянистой глиной.

— Четыре дома ниже меня. Положила по монетке в каждый кран. Вот что собирается в воде. На рыжий песок похоже. У колеса песок чёрный. Если выясним, откуда идёт рыжий, поймём, где врезали лишнюю трубу.

Тиша взяла монетку и понюхала. Положила обратно.

— У нас после паводка монетки такие были, — сказала она. — Папа до сих пор на плите одну держит. Он под неё огарок ставит.

Ладка собиралась ответить. Её перебил стук с улицы. Во дворе хлопнула задняя дверь. Кремнехвостая поставила медник на пол, провела языком по губам.

— Нила, у тебя сейчас там кто?

Заднее крыльцо, когда по нему шёл человек, отзывалось снизу. Я ждала три ноты, тяжёлый шаг или два лёгких, хотя все, кого я могла узнать по шагам, были у меня перед глазами. На этот раз я услышала одно короткое скольжение. Мимо кухонного окна прошёл пустой бельевой шнур. За ним, там, где у стены белел снег, сразу стало темно.

Я взбежала в сушильную. Ветер уже гулял через боковое окно. На полу лежали полотенце и рама с погнутой скобой. Я подняла полотенце. Место, где под ним лежало пятно, было ещё тёплым.

Снизу закричала Ладка:

— Кто сейчас снимал пальто?

Я подбежала к окну. Белого снега под ним больше не было. Внизу к стене придвинули чужую широкую лестницу. Крайняя ступенька на ней качалась, словно с неё только что спрыгнули. На короткой верёвке над каналом хлопали все пять прищепок.

Я перегнулась через подоконник. Чёрное пальто было перекинуто через ограду в двух домах от нас. Кто-то держал его снизу за подол и осторожно тянул на ту сторону. Я различила рукав, надставленный моим сукном, и протянутые под воротом руки. Человек шёл спиной и клал пальто пятном вверх. За углом у него ждала женщина с пустым баком для воды.

3. Чёрная улица

Лестницу приволокли из бани. На нижней ступени замёрзла льняная мочалка, а на верхней кто-то мелом написал «отдать». Я поставила ногу мимо мочалки, съехала на руках два пролёта и прыгнула в сугроб. Под снегом оказалась земля. Колени ушли в неё почти без звука. Когда я выпрямилась, от чужого сапога на дорожке остался один отпечаток. Пальто вынесли через кусты к ограде и сбросили на другую сторону. За оградой заскрежетал медный бак.

Я полезла следом. На ограде вблизи виднелась резьба. Старый хозяин нашего дома любил вырезать птиц с зубами. Ему нравилось, что утром вороны садятся на зубчатых птиц, чтобы распотрошить орех. Свою птицу я обхватила за голову. Отломился клюв. Когда я перелезла, то обнаружила его у себя в кулаке. Зажала между пальцами, чтобы не терять время на снегу.

Нижний вход на Соляной спуск проходит вдоль невысоких домов. В каждом доме хранят на зиму что-нибудь пахучее. В прошлом году у сестер-моховиц прокисло шесть кадок капусты, и тогда весь спуск пах прокисшей капустой. В этом году наверху жарили орехи в патоке. Если пройти быстро, запах в одежде не останется.

По спуску впереди меня бежал человек в куртке с лисьим воротом. Я узнала его по обрезанной с одного бока тесьме. У ворот прачечной он днём грузил снег в бак и, когда раскачал полные ручки, тесьма попала под прищемлённую крышку. От неё оторвался кусок длиной с мой мизинец. Тогда я ему сказала, что на таком холоде лучше оторвать тесьму, чем пытаться достать её из-под крышки. Он стоял и дёргал ещё минуту, как будто хотел, чтобы я сама подошла и помогла.

В баке, который катила женщина, пальто было видно. Они сложили его, пока я перелезала, и положили поверх перекладины. Женщина везла бак на дощечке с тремя колёсами. Третье колесо подскакивало у неё под левой рукой. Если бы она хотела скрыть украденное, закрыла бы бак. Крышка у неё висела на ремне за спиной и била по пояснице. Я крикнула:

— Вы же пальто взяли у меня!

Женщина везла бак дальше. Мужчина оглянулся. У него под шапкой виднелась белая повязка. Я успела заметить на повязке коричневое, пока он не повернул голову. Потом он взял бак с другой стороны, и дощечка пошла на двух колёсах. Пальто стало соскальзывать. Женщина придержала его за ворот, чтобы не упало.

— Там лёд! — крикнул он ей.

Она вытянула ногу и попробовала спуск носком. За ночь водой залило пол-улицы. Кто-то просеял над лужей мелкую золу. Сверху на льду осело серое, но зола липла к подошвам, стоило только поставить ногу. Человек с лисьим воротом поставил обе. Его ноги разошлись. Он сел на дощечку, толкнул её назад и заодно свалил бак на женщину. Бак завалился набок. Пальто упало у самого льда.

Я бросилась к нему. Пальцы вцепились в ворот раньше, чем я почувствовала, что на нём осталось. Красное пятно лежало наружу, до льда не достало. Воздух над ним дрогнул. Я успела подсунуть под сукно сухой край подкладки и завернуть так, чтобы пятно не коснулось снега. Женщина поднимала бак, опираясь на колено. Из-за её пояса выскользнула складная тёрка для льда. Такие носят на Соляном спуске, у кого в семье хоть один человек ломал здесь ногу.

Человек с лисьим воротом встал. Правая рука у него была вся в патоке. Сначала я решила, что он держался за перила у орехового подвала. Потом вспомнила, где в Веретёне мажут куртки патокой. У кондитеров рабочий привязывает к запястью кожаную обмотку, чтобы патока не потекла по рукаву. Этот обмотку снял, вокруг запястья у него белело чистое место, а выше шла тёмная полоса. Он был в рабочей куртке, только вывернул лису наружу, чтобы согреть горло.

— Мирек, — сказала я, когда он глянул на меня, — я вчера вытащила тебе из рукава двадцать иголок. Хочешь, я сегодня за водой пошлю тебя к родным? Там у тебя мать работает, если ничего не перепутала.

На самом деле я вытащила девять. Иголки он подбирал у сестёр-моховиц. Его мать стояла за ночной печью у торговых рядов. Я знала Мирека с тех пор, как он перестал носить свой длинный шерстяной жилет застёгнутым. Теперь ему девятнадцать. С верхнего рынка он каждый вечер приносит гостинцы вдове у Соляного, а свои пятки штопает куском проволоки. Мне не приходило в голову, что я когда-нибудь буду отбирать у него вещи.

— Кто вас послал? — спросила я.

Мирек взглянул на женщину. Она выпрямилась и поставила бак на днище. С плеча у неё сползла шаль. На шее виднелась чёрная тесьма, на тесьме стеклянный напёрсток.

— Я думала, ты его отдаёшь, — сказала она. — Не лезла бы к тебе в окно, если бы знала.

Я узнала и её. Рута. Она живёт через семь дверей от Ладки. Считает мелкие долги на пальцах. Когда долг вырастает до большого, она первый раз пишет его на бумажке, потом начинает думать, от кого спрятать бумажку. Стеклянный напёрсток ей подарил внук. Он сделал его из треснувшей рюмки. У стекла шов, о который легко порезать губу.

— Где ты взяла лестницу?

— В бане. Лестницу надо вернуть. Она слишком длинная, я её одна не дотащу. Мирек, встань нормально, у тебя повязка съехала.

Мирек оттянул повязку. Под ней было два пластыря, один короткий, другой длинный. Над длинным кожа на виске налилась синевой. Я вспомнила, как утром на Гончарной лестнице таскали мешки, и спросила, откуда рана.

— Створкой по голове задело, — сказал он. — Я на караулке для Греи мел брал. Ветер.

— Она и про пальто сказала?

Мирек опустил руку. Рута подтолкнула бак ногой, освобождая площадку от колёс.

— По городу вода встала, — сказала она. — Знаешь, кто у меня дома с температурой? Грея оставила уголь и попросила доставить пальто. Тёплая печь иногда важнее твоего окна.

— Куда доставить?

У Руты лицо стало жёстким. Она оттянула край шали и накинула на плечо. Было видно, что говорить при Мирeке ей тяжелее, чем толкать бак обратно в гору.

— К каменной мойке. На дворе у бывшей красильни. Там теплее. Велела сперва сложить, пятном кверху. Я думала, твоё пятно опять на сукне и ты боишься, как бы не расползлось по швам.

— Она сказала, кровь?

— Сказала пятно. Я повторила.

Мне пришло в голову, что я так и держу деревянный клюв в руке. Клюв процарапал в ладони белую полоску. Я сунула его в карман.

— У мойки есть вода?

— Грея сказала, подведёт.

Рута посмотрела на пальто и снова на меня. Она в первый раз увидела пятно в открытом месте. На сером воздухе его кромка стала светлее. Сукно под моим пальцем было тёплое. Рута медленно набросила шаль и больше не касалась пальто.

Сверху бежали Борох и Тиша. Борох нёс короткую перекладину, которая раньше была частью лестницы у кухни. Тиша бросила ему второй конец. Он подхватил перекладину двумя пальцами и поставил поперёк обледенелого прохода. Она упёрлась в две дверные скобы. Тиша подлезла под дерево, провела рукой по льду. Рута видела, как рука у девочки сразу стала чёрной от золы.

— Давайте сюда бак, — попросила Тиша. — Подложим дощечку под колесо. Его тогда не поведёт.

Рута открыла рот, чтобы возразить. Тиша посмотрела на неё в упор. Рута сняла крышку с ремня, подала Мирeку. Он сунул крышку под дальнее колесо. Я перебралась на сухое место, пока они тянули бак вверх. Борох подал мне перекладину и обеими руками придержал шершавую стену. Он не пытался взять пальто. Стоял рядом и ждал.

— Всё цело? — спросил он наконец.

— Пока да.

— Я завтра за новое не заплачу. Если нужно порезать, режь это.

— Если порежу, что ты наденешь?

Он с любопытством посмотрел на собственные плечи. На нём жилет, рассчитанный на шею с двумя пуговицами. Обе выскочили из петель. Ветер проходил сквозь жилет свободно. На верхнем кармане, под медной булавкой, был прижат маленький листок. Борох заметил мой взгляд и снял листок. Развернул одной рукой, передал мне. Чёрной тушью на листке было написано два слова: «после восьми». На обороте рукой Ладки: «За пальто спасибо. Верну сухим».

— Дала утром. У меня занятие с мальчиками. Она хочет сама снять пальто, чтобы меня не будить. После восьми у нас в оркестровой стучать запрещено. Соседям сверху то ли музыка мешает, то ли чужая работа.

Я сложила листок и передала ему. Рута довезла бак до более сухих камней. Отсюда было видно двор бывшей красильни. Днём он казался неглубоким, как миска. В сумерках за стеной копился пар. У каменной мойки стоял человек с двумя вёдрами. Я видела его от колен до плеч. Он поставил одно ведро на белый кирпич, выпрямился и передвинул кирпич ногой. Вода в ведре шевельнулась. В ту же минуту окно за ним стало чёрным. Там кто-то выключил лампу.

— Я сейчас лестницу заберу, — сказал Мирек.

Тиша заглянула в двор поверх забора. Снизу она виделась мне на фоне пара, как большая птица, которой надо только подобрать ноги. Потом быстро спрыгнула.

— Это не Грея там, — сказала она. — У неё шаг другой.

Я придержала её за плечо. Когда обернулась, Рута уже ушла. Бак она оставила Мирeку. Крышка дрожала на насту, то поднималась, то опускалась. Лёгкий красный дым, которым мы дышали, был запахом горячей рыжей воды.

До прачечной пошли по верхней стороне. Пальто я держала на вытянутых руках. Я всё думала, куда его убрать. Под кровать Тиша научилась добираться, с печи тепло может вытянуть пятно, на дверях чужой ключ. Остался сундук из толстого дерева, где бабушка хранила подушки. На крышке лежали мои пододеяльники, собранные для гостевого двора. Надо будет сдвинуть бельё, проверить петли и вытереть короб от пыли. Я шла и перебирала это всё, чтобы в первый раз за вечер не услышать Ладкин голос там, где никто не говорил.

На углу Тиша остановилась. Из-под моей руки выскользнул ворот пальто. Она подхватила его без спросу, перехватила пальцы с сухой стороны. Я несла подол, Тиша ворот. Борох держал подкладку, чтобы от ветра не выгнулась. Так втроём мы донесли пальто до дома.

Госпожа Кремнехвостая переставила медник на крайнюю конфорку. Воду на спуске ждать не стали: двое принесли снег, ещё один — корыто. У скамьи человек с четырьмя короткими ушами наливал в деревянную кружку и пробовал, не пахнет ли золой. Ушами он ловил шум с улицы, но воду пил так же, как все, наклонив голову.

Ладка сидела у стола. Свою половину айвы она положила на блюдце с монетками, к рукам прижала пустой стакан, чтобы согреть ладони. При виде пальто поднялась. На миг мне показалось, что она сейчас попросит его вывернуть, чтобы рассмотреть шов. Я бы ей дала. Тиша передвинулась, загородив пятно плечом.

— Если её можно на завтра отговорить, — сказала она, — надо сейчас.

— Её можно, — сказала Ладка. — Но того, кто встанет на моё место, нам ещё не назвали. Сядь рядом, Нила. Расскажи всё, что сегодня слышала. Начни с трёх ударов.

4. Четыре зарубки

Поздно вечером в меднике оставалось на донышке. Госпожа Кремнехвостая вылила последнюю воду в чайник, который принесла девочка с верхнего пролёта. Девочка взялась за ручку левой рукой. Правую держала в кармане. Когда Кремнехвостая спросила, зачем у неё карман стянут завязкой, девочка вынула оттуда маленькое яйцо. Нагретый чайник она понесла рядом с яйцом, боком к стене.

Пока она шла, мы с Ладкой пытались уговорить Рува закрыть ход к железной двери. Рув служил у колеса тридцать лет. У него были два длинных племянника, которые держали фонари над пролётом. Сам он всегда стоял так, чтобы хорошо видеть чужие руки. Если в твоих руках ничего не было, он слушал внимательно. Если ты что-то нёс, мог выслушать и только потом спросить, что именно, но до конца разговора посматривал на ношу.

Мы пошли к нему с четырьмя монетками, двумя фонарями и одной кухонной ложкой. Ложку забыли снять с блюда, на котором Ладка вынесла монетки. Рув забрал её и засунул черенком в паз у двери. Показал мне, где щёлкнет пружина. Вместо ключа он вывел ложкой задвижку, приоткрыл дверь и позвал племянника. Тот выглянул с верхней площадки, подал фонарь. Внутри колеса засветилась длинная пластина.

— На то и нужна дежурная рука, — сказал Рув. — Ключ остаётся у мастера, я могу отсюда и ложкой закрыть, если в верхнем звене пружина цела. К нижнему проходу у меня другое. В четверг сняли решётку из ремонта, сегодня болты ещё не затянуты. Если ход завалить, оттуда рабочие не выберутся.

— До утра туда кто-нибудь пойдёт? — спросила Ладка.

— До утра, по моим сведениям, никого. Ты завтра сама хотела.

Рув выдвинул ложку из паза. От неё с одной стороны отпал кусочек льда. Он провёл по этому месту ногтем и вернул ложку Ладке. Кривой след от пружины остался на черенке. Рув поставил руку на стену и подтолкнул пластину обратно. Она вошла глубоко и без звука.

— Была бы она уже сегодня натянута, — сказала Ладка, — ты бы услышал?

— Отсюда нет. Там, где первый порог, услышал бы. Пружина хорошая, глухая. У кого там что стучало?

Мы рассказали про три звука над солью. Рув повернул фонарь другой стороной. Стена на минуту порозовела. Когда Ладка спросила, кто может ходить за колесо, он перечислил троих: Грею, себя и гидромастера. Ладке давали ключ на время, если надо было сделать или проверить замок. Никакого запасного от нижней двери он никогда не видел. Потом Рув глянул на её карман. Если в кармане у Ладки есть отмычка, ключ ей годится разве что соседа успокоить.

— То, что вы услышали, можно предъявить? — спросил он.

— Пока пальто сухое, да.

Рув закрыл фонарь, присел и постучал по нижней ступеньке. Сверху тут же спустился племянник. Длинные руки и очень короткий нос. Того, что стоял у фонаря, звали Осип, этого — Рой. Различать их удобно, пока один молчит. Осип обычно глотает конец каждого слова. Рой молчит так, будто считает, до скольких сегодня простоит фонарь.

— До утра ни я, ни парни дверь не откроем, — сказал Рув. — В караулке останется двое. Если кто придёт оттуда, выйдет при нас.

— А если ему хватит пяти минут? — спросила я.

Рув посмотрел, кто стоит у меня за спиной. Там была Тиша. Она пришла следом и молча держала блюдце, на котором осталась одна рыжая монетка. Я хотела спросить, как она отцепила колокольчик от двери, чтобы мы её не услышали. Потом поняла, что дверь в прачечной никто не закрывал. Пока в печи топился снег, оттуда выходили и заходили без счёта.

— У меня бумага есть, — сказала Тиша. — Я могу показать, где та рука была.

Рув вытер ладонь о куртку. Ладка взяла у него фонарь. Тиша положила блюдце на стену, вынула бумагу из кармана. Она несколько раз её складывала, оттого на углах она просвечивала. Вид сверху, который рисует ребёнок, когда ему дают карандаш и просят показать место: один берег был круглым, другой резко загибался, потом шла ступенька, потом четыре короткие зарубки. Тиша приложила ноготь к третьей.

— Я сначала думала, вон там, у скобы, — сказала она. — Но по этой ступеньке была вода. Я поставила рыбу на камень, чтобы слушать. Сидела у четвёртой. Рука выглянула из узкого окна. Она тянула оттуда шнур. Потом сделала вот так.

Тиша перевела рисунок вверх ногами. С другой стороны бумажки был круг с маленькой петлёй. Тиша продела указательный палец через свой шнурок на рукаве и затянула шнурок. Петля на бумаге смотрела в ту же сторону. На рисунке она казалась такой большой, что в неё можно просунуть не палец, а ногу.

— Затянула петлю? — спросила Ладка.

— Взялась двумя пальцами, сделала маленький круг и потянула к себе. Шнур сперва пропал, а потом я увидела его кусок выше. Там песок сыпался. Я слышала три удара, раньше, до петли. А у берега увидела Грею, когда уже к Ниле пошла.

— У человека что было на руке?

Тиша потянула себя за закатанный край рукава.

— Тут мокро. И нитка белая. Может, волосок. Я не видела, с какого края начало.

Рув взял рисунок за середину. Он смотрел долго. Потом показал Тише небольшое пустое место у третьей зарубки, куда она не поставила карандаш.

— Нарисуй там старый стопор. Только не очень близко к воде. Стопор живой, если его не прихватило. Вот такую вилку, с двумя зубцами.

Тиша посмотрела на него.

— Я его не видела.

Рув кивнул.

— Тогда пусть пусто будет. Это твой рисунок.

Тиша сложила бумагу пополам и сразу развернула. Один разрез у края уже начал рваться. Она прижала его к фонарю, посмотрела на свет. Я попросила её сделать себе второй такой рисунок, когда вернёмся. Первый она решила отдать отцу. Через минуту попросила отдать первый мне, а отцу показать оба. Рув стоял рядом и молча держал фонарь. Я вспомнила его старшего сына, который вырос с жабрами и лет в восемь переселился на речной дежурный плот. Рув никогда не рассказывал, как сумел отправить туда восьмилетнего одного. Только один раз, когда у нас упал под воду шнур, он сказал, что учил сына не любить берег. Считал, так тому будет легче.

По верхней набережной к нам спустился человек в длинном сером плаще. Перед ступенькой повернул голову. Приложил палец к виску, словно поднял шляпу, которой на нём не было. Это был Севрин. Плащ он носил, когда долго приходилось ждать на ветру. Под плащом у него на левом плече лежала вязаная накладка. Если снять плащ, видна пуговица от накладки, крошечная, как на детской кофте. Севрин накладку не снимал даже летом. После того как у него из-под руки вылетел молот, плечо не любило сырость.

— Гончарная встала, — сказал он, убирая руки с ветра. — Люди ночью уже за печным ходят. Соляной спуск пока на родниках. Нижние дома к утру промёрзнут.

Ладка передала ему блюдце. Он не стал брать монетку пальцами. Понюхал, растёр рыжий край деревянной спичкой. Спичка загнулась у головки. Он положил её рядом с монеткой.

— Кто ставил?

— Я.

— Возьму завтра пробу в трубе. То, что ты вытащила из крана, ещё надо проверить. Разогнало верхний ил, вода у каждого своя. У вас как, Нила?

— У меня свои запасы. До утра.

— У Кремнехвостой есть печь на пристройке. Я послал туда три охапки. На лестнице холодно, но тепло будет. Она у вас?

— По морозу пошла, как только узнала, сколько у неё подъездов.

Севрин улыбнулся. У него были два золотых зуба. Если смотреть сбоку, они блестели даже под закрытой губой. Я помнила, как на похоронах бабушки он вдруг произнёс два слова, которые она всю жизнь говорила, вытирая руки: «Хватит сушить». Губы у него тогда потрескались. Я с того дня обращала внимание на золотые зубы. Мне казалось, человек каждый раз перед разговором решает, сколько их показать.

— У тебя дети ещё есть дома? — спросил Севрин.

Я не поняла, почему «ещё». Он увидел мой взгляд и показал на Тишу. Она держала рисунок обеими руками. Севрин взял у Рува фонарь и положил на перила, чтобы она сама могла посмотреть в сторону воды.

— Здесь за колесом сегодня никто не умрёт, — сказал Рув. — Дежурство я удвоил.

Севрин не спросил, откуда такое обещание. Откашлялся, обратился к Ладке:

— Ты собиралась на первую смену. Перенеси на середину дня. Я дам двоих сверху. Внизу загоны мокрые.

— Зачем переносить?

— До середины дня там работает Грея. Придётся ждать снаружи или делать за ней. У неё один ключ.

— Грея сказала, что занята у пристани. Ключ обещала мне к утру.

Севрин провёл пальцем по блюдцу. Рыжий след смазался. Монетка лежала рядом с его влажной ладонью. Он убрал руку, достал из кармана платок и вытер край блюдца.

— Тогда я с ней поговорю. За ночь вам придумаю, что делать с холодом. Вода в трубе от меня никуда не денется.

Пока мы стояли, в нижней воде прошла рябь. Тиша отпустила на неё свою рыбу. Она продела бечёвку между пальцами. Рыба постояла носом против течения, повернулась боком, внезапно нырнула. Тиша подняла руку выше. Бечёвка натянулась. Севрин накрыл её своей ладонью. Если дёрнуть в этот миг, рыба останется без хвоста. Он мягко провёл Тишину кисть вдоль перил. Рыба высунулась, кашлянула водой, показала на свет медную челюсть.

— Под левым берегом вода идёт обратно, — сказал он. — Видишь? У тебя она наверху только мерит. Привяжи снизу ещё одну жилку, будет поворачивать нос сразу.

Он отпустил Тишину руку. Тиша стащила рыбу с перил и сунула под куртку. Севрин вежливо подождал, когда она закончит. На том разговор и мог кончиться. Я отдала Руву блюдце и спустилась за Тишей. Там, где берег оставался мокрым, на песке сохранились следы гвоздей. По два близко, третий чуть в стороне. Такие следы мог оставить человек с тремя гвоздями на подмётке. Или тяжёлый инструмент, который тащили ребром. Я приложила к ним большой палец. Третий след оказался холоднее, в нём уже затянулось тонким льдом.

Дома я убрала пальто в бабушкин сундук и повернула ключ. Пододеяльники сложила обратно, хотя от тяжести сундук перекосился. Узор на крышке обтёрся как раз на том месте, где надо было нажимать, чтобы сработал замок. По краю крышки я протянула нитку и прищемила её книгой. Нитка сухая и тонкая. Если кто-то сдвинет книгу, я увижу конец на полу. При хорошей погоде я бы ничего такого не придумала. При плохой запах сохнущего дерева не даёт мне спать. Если его долго слушать, начинаешь чувствовать, где доска треснет.

Я спустилась за Тишей. Она сидела у крайней печной конфорки, переписывала свой рисунок на чистую бумагу. Рядом лежала пустая скорлупа. Грея чистила яйцо и откладывала обломки в две кучки. В одной розовое, в другой белое. Круглый кончик она протянула Тише. Тиша взяла и прижала к блюдцу. Из-под пальцев полез тёплый желток.

Грея подняла на меня голову.

— Я к тебе за рукавом. Надо зашить левый, сегодня в скобу попал.

Она сняла куртку и развернула рукав. От плеча до локтя он был цел. Ниже, где его закатывали, наружу вылезла одна длинная нитка. Белая, тонкая и мокрая.

5. Пятно на подкладке

У Греи рукав всегда задирался с одной стороны. Его подворачивали на две ладони, потом стягивали шнурком. Пока она держала руку у печи, я вытянула из-под нитки жестяную застёжку. Застёжка была старая, с двумя гладкими лапками. На одну лапку намотали шерсть, чтобы металл не давил на косточку.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказала я.

— Вижу, что надо. Вон застёжка куда залезла.

Тиша подняла свою бумагу и отодвинула блюдце со скорлупой. Под блюдцем ещё осталась лужица, в ней синело яйцо. Она переписала четыре зарубки и обвела петлю. На моём рисунке последняя зарубка вышла бы самой короткой. Тиша сделала их все одинаковыми, потому что зарубки были в камне, и ни одна сама по себе не значила больше другой. Севрин, если увидит, скажет, что берег у неё загнут в неправильную сторону. Я знала, что это за взгляд: человек слушает подробность и думает, как его рукой поправить.

— Бумагу забери, — сказала я.

Тиша сложила первый рисунок и протянула мне. Второй остался у неё в кармане. Грея смотрела на край своего рукава. Я взяла лампу, пригласила её в узкий чулан за печью. Когда ей нужно было чинить руку, мы обычно работали там. Люди у медника могли вернуться к себе с водой, не увидев, как кто-нибудь застёгивает человеку пуговицы.

У стены в чулане стояли весы. Я накрыла чаши полотенцем, поставила лампу между ними. Получилось два круга света, один на крышке полотняного ящика, другой на Греиной куртке.

— Рута и Мирек забрали у меня пальто, — сказала я.

— Борох обещал его Ладке, — ответила Грея. — Я хотела, чтобы утром у неё было сухое.

— С пятном на подкладке?

— Рута сказала, ты была сердита.

Грея провела пальцем по нижней губе. У неё с детства одна бровь всегда была выше другой. Пока она молчит, тебе кажется, что вот-вот начнёт смеяться. Когда всё же засмеётся, обе брови опускаются, и ясно, как она на самом деле устала.

— На Соляном спуске уже бабка с мальчиком не могут выбить лёд из ведра, — сказала она. — Рута пришла за углём. Мирек просился за караулку, я его послала дрова делить. У него голова разбита. Чего ты на них полезла?

— Я за Бороховым пальто полезла. В мойке у красильни стоял ещё человек.

— Там люди воду берут.

— Ночью? В той мойке, где трубы заросли?

Грея подняла рукав. Я взяла иголку. В это мгновение она повела локтем. Рука у неё не болела, пока держалась спокойно. Стоило согнуть, даже обычная игла казалась ей крупнее гвоздя. Я не раз это видела. Два пальца она всё равно разогнула и положила на стол рядом с иголкой.

— Я не знаю, кто был во дворе, — сказала она.

— Тиша видела руку за дверью. Мокрый рукав. Белая нитка.

Грея посмотрела на свой рукав. Там, где мы вытащили застёжку, подкладка сбилась в мягкий бугорок.

— Она ещё что видела?

Я воткнула иголку в крышку ящика. Металл вошёл как в хлеб. Под крышкой я хранила траву, которую покупала для мыла. Бабушка в этом ящике держала сухие камешки. Она просила меня класть их на весы вместо гирь. Даже если камешек не сходится с нужным весом, его приятно взять в руку. Ему всё равно, что ты им меряешь.

— Расскажи, что завтра будет за колесом, — попросила я. — Есть способ это сделать здесь. Люди будут живы. Грея, я тебя спрашиваю, пока ты можешь мне ответить.

Она сидела близко. В детстве я умела определить, когда она плачет, не видя лица. Сначала она вздыхала, потом долго выдыхала через нос. Мать посылала меня к ней, когда нужен был уголь до получки. Грея всегда давала полное ведро, и в полное ведро обязательно кидала один кусок сверху. Унести мы его могли, только зажав локоть под ведром. Мать говорила, так и надо выбирать, от кого принимать помощь: бери у того, кто знает, сколько ты сумеешь унести.

— Завтра там будет Ладка. Она сама просила ключ, — сказала Грея.

— А ещё?

— Тебе нужно, чтобы я ещё человека назвала?

— Мне нужно не вынимать её из воды.

Грея наклонила голову. Возле уха у неё один волосок сгорел до половины. Она взяла иголку из крышки, подняла её к свету.

— Бабушка твоя говорила, если всё постирать как следует, запах к утру уходит. Ты тоже до утра подожди. А человеку решать, куда он пойдёт и с кем.

Она вернула иголку на стол, опустила рукав и вышла. Я пошла следом. На столе между блюдцами стояли два стакана. Тиша поставила их так, чтобы прохожий за дверью увидел белые донышки. Леона не было. Я прислонилась к косяку, прикинула, где он сейчас может застрять. Он пришёл бы сам, даже если его никто не звал. К полуночи он обычно закрывал шарманки и ходил на верхний спуск. Когда Ивы не стало, первые недели мы с Греей приносили Тише смену белья. Леон узнавал это бельё по тому, кто его развесил, и вешал утром всё заново. Ему было важно, чтобы девочка знала, куда дотянуться самой. В первый раз я приняла это за обиду.

Грея надела куртку и принялась искать в кармане застёжку. Я достала её из чулана. Пока ходила, в передней звякнул колокольчик. Леон вошёл спиной, затаскивая инструментальный ящик. Из ящика торчала новая планка для перил. В обеих руках у него были бумажные пакеты, один с хлебом, другой пустой.

— Как хорошо, — сказал он. — Здесь пахнет дымом, а на другой стороне рыбой. Я по этому запаху к себе домой едва не ушёл, Тиша.

Она надела башмаки, оставила один шнурок развязанным и подошла к нему с рисунком. Леон сел у дверей, чтобы она могла показать, как смотрела из-под перил. Грея протянула ему застёжку. Он поймал её, как ловят короткий металлический предмет: сперва ладонью, потом зажал двумя пальцами.

— У тебя на ящике крепёж голый, — сказала она. — Я эту брала для куртки. Держи обратно.

Леон положил застёжку на крышку и занялся рисунком. Грея вынула из кармана ещё одну застёжку. У этой лапки были шире. Она приложила её к рукаву и попросила:

— Нила, принеси тогда нитку покрепче. Я сама пришью. Надо ещё на другой берег сходить, я там ящик оставила.

Мне понадобилась тёмная катушка. Я повернулась к полке, нашла в корзинке серую. Когда я обернулась, Греи у чулана не было. На нижней ступеньке к сушильной лежала её застёжка. Тиша придерживала ногой инструментальный ящик. На ящике под рукой у Леона было пусто.

— Она куда? — спросила я.

Леон поднял голову.

— Кто?

Я пошла наверх. Вторая половина лестницы ещё не скрипела. На предпоследней ступеньке темнел влажный след, полоска с поперечными чёрточками. В сушильной у сундука горела другая лампа. Книга съехала на пол. Нитка оставалась сухой, но конец перерезали.

Грея прижала крышку сундука локтем. Под локтем был мой пододеяльник. Он не давал дереву хлопнуть. Я шагнула на площадку. Грея наклонилась через крышку и одной рукой вытянула из сундука рукав.

— Прекрати, — сказала я.

Она сжала в ладони сложенную тряпку. Тряпка была тяжёлая. Из-под неё сразу пошло на сукно два тонких ручья.

Я рванула пальто к себе. Один ручей сорвался. Второй попал в сгиб ткани. В красном пятне появилось белое отверстие, как если бы оно прогорело. Дальше вода пошла вдоль шва и пропала в подкладке. Грея держала тряпку так плотно, что я видела в ней вдавленные ногти.

Кто-то сверху ударил меня плечом. Я удержалась за край сундука. Через меня перегнулся Леон, перехватил Грею за запястье. Грея выпустила тряпку. Борох подхватил рукав, приподнял его и завернул мокрое место внутрь. Он не сказал ни слова. Я смотрела, как Грея убирает из-под крышки пододеяльник, который я собиралась отдать в гостевой двор. Одним движением она складывает его вдвое. Сухое к сухому, изнанка внутрь. Я тогда ясно вспомнила, кто меня научил так складывать.

Леон дёрнул крышку вверх. В замке торчала проволока с двумя прижатыми лапками. Такие я видела в его ящике на ремнях для шарманок. Он поднёс лампу ближе. Проволока блеснула. У самой бородки был сплющенный сгиб.

— Отдай, — сказала Грея.

Леон повернулся к ней.

— Ты у меня из-под руки взяла?

Я сняла проволоку с замка и положила рядом с лампой. Борох медленно расправлял подкладку. По её серому полотну разбежались рыжие разводы. Они выглядели как обычная грязь с дороги. Той светлой кромки уже почти не было. Зато рукав всё ещё грелся, хоть теперь от него поднимался пар.

— Тиша, — сказал Леон в темноту лестницы.

Внизу что-то скрипнуло, потом захлопнулся ящик. Тиша поднялась, держась за стену. Когда увидела нас, застыла.

— Я хотела нарисовать тебе ещё одну стрелку, — сказала она.

— Нарисуй.

Я подсунула ей под руку сухой лист. Тиша достала свой первый рисунок из моего кармана, второй из своего. На обоих четыре зарубки. Она приложила ладонь к последней зарубке, подняла её и приложила ещё раз. Я ждала. Внизу госпожа Кремнехвостая снова открыла входную дверь. У неё попросили воды. Она ответила, что нет, если пить, можно подождать минуту. Тиша вскинула голову на слово «минуту». На щеке у неё осталась тонкая черта от карандаша.

— Я помню, как рука выглянула, — сказала она. — Я утром хотела подержать кружку. У руки был закатан рукав. Потом уже я на другой стороне видела Грею. А зачем я здесь нарисовала петлю?

Леон поставил лампу у её ног. Горячее стекло осветило рисунок с обратной стороны. Казалось, зарубки темнее, чем всё остальное.

— Там, у колеса, ты показывала её рукой, — сказала я.

Тиша провела пальцем вдоль петли, остановилась в том месте, где на рисунке сходились два конца.

— Как?

Я не смогла повторить движение в точности. Тиша посмотрела на своё запястье. Там висел шнурок рукава. Она стала затягивать его на пальцах, и сначала я подумала, что получилось. Потом увидела, что она смотрит на меня, будто надо дождаться кивка. Место, где у неё должно было остаться воспоминание, пустовало даже в руке.

— Та рука за что-то потянула, — сказала я. — Ты это видела. Твой рисунок лежит здесь. До воды ты сама мне показала.

Тиша повернулась к Леону. Он смотрел на бумагу. Вокруг его ноздрей легли две белые полоски, словно у него вдруг заболели зубы.

— С папой тоже так было? — спросила Тиша.

Я не сразу поняла, кого она спрашивает. Руки у меня были мокрые. Шов пальто давил в ладонь. Грея стояла у бокового окна. Сухой край пододеяльника она всё ещё держала за концы.

— Я спросила тебя, — сказала Тиша Грее.

Грея выпустила бельё. От окна задувало. Складка легла на пол косо, и на сухом полотне отпечаталась её ладонь. Я опустила свою лампу на крышку сундука, чтобы можно было видеть, где именно. Потом сказала Бороху:

— Иди за Рувом.

Он поставил пальто на сухую скамью, вышел и впервые за вечер задел рогом ту балку так сильно, что лампа на ступеньке чуть не опрокинулась.

6. Ключ с рыбьим зубом

Рув пришёл к нам, когда Греи уже не было. Он поднялся в сушильную, поставил фонарь возле запорной пластины и велел Леону проверить, цел ли замок. Под крышкой нашлась одна царапина, тонкая и белая. Снаружи на досках лежало бельё, которое Грея отодвинула локтем. Кто-нибудь мог прийти к себе с выстиранными пододеяльниками и так же сдвинуть их на пол. От этой мысли я до сих пор не могла успокоиться. Всё, что она сделала, уместилось в обычную домашнюю работу. Надо найти ключ, поднять тяжесть, выжать тряпку. К рассвету грязная вода уйдёт в дерево.

Я рассказала Руву, как Грея вышла. Сначала я слышала её шаги на задней лестнице. Потом Тиша ещё раз спросила про отца, и шагов я больше не слышала. Когда Леон выглянул в окно, на краю насыпи осыпался снег. Там, в тёмной воде, ничего не двигалось. Как выбраться с другой стороны, Грея знает. Через ограду ей даже лезть не нужно. В нижней доске есть калитка с кожаной петлёй. Она придумала эту петлю, когда мы с бабушкой не могли поднять обратно решётку.

— За свечой я пошлю Роя, — сказал Рув. — Осип останется здесь. Из города к шлюзу есть только две дороги. Одна через базар, другая по верхней насыпи. Ночью на базаре сворачивают фонари. Ей тогда придётся двигаться на ощупь.

— Она полгорода может пройти с закрытыми глазами, — сказала я.

— У неё пятка плохо гнётся. Осип услышит, если обратно сюда пойдёт. Ладка где?

Я повела его вниз. На кухонном столе у Ладки лежала толстая бумага. Она протирала от рыжей глины одну монетку за другой. Тиша сидела рядом с ней в одних носках. Рыбка лежала на коленях, одной половиной в носке, другой на юбке. Когда мы спустились, Тиша зажала ногами рыбий хвост и повернулась к Ладке.

— Можно я у себя оставлю то, что помню?

— Твоя память. Куда её девать, сама решай.

— На бумаге тоже?

Ладка подвинула ей свой карандаш. Он был сточен до половины длины. Тиша поставила четыре зарубки. У каждой внизу написала время. У третьей оставила пустое место, чуть больше ногтя. Потом отложила карандаш и посмотрела на рисунок, который положила рядом. Губы у неё дрогнули. Она пододвинула новый лист к себе и под пустым местом написала: «Здесь я нарисовала петлю вчера». Я видела, как она долго ждёт от руки, что та допишет дальше. Потом отдала карандаш Ладке.

— Я могу пойти домой? — спросила она.

Леон стоял между печью и скамьёй, держа в руках пустой хлебный пакет. Было видно, что ему хочется задать ещё несколько вопросов, но он никак не может отделить свои вопросы от Тишиных.

— Иди. Я сейчас тебя догоню, — сказал он.

Тиша натянула башмаки, в передней с кем-то разминулась, потом снова заглянула из дверей.

— Я помню, как рукав был закатан. Складка в левую сторону. Если тебе пригодится, запиши. Не скажи завтра, что я всё забыла.

Она ушла. Леон подержал в кулаке пустой пакет и положил его на подоконник. Я пошла помочь ему застегнуться. Он отступил и застегнул куртку сам. Пальцы никак не попадали в петлю, но он продолжал, пока последняя пуговица не села на место.

— Тебе нужно со мной поговорить? — спросила я.

— Сначала я с ней пойду. Потом поговорим, если будет о чём.

Рув подождал, пока они уйдут, и поставил перед Ладкой фонарь. Старая ложка лежала у него в кармане. Кривой черенок он вынул и выпрямил на столе рукоятью ножа. Плоская часть пошла волной, ложку теперь можно было только повесить на гвоздь. Так я и сделала.

— Утром никакого ключа у неё не брать, — сказал он Ладке. — Я схожу сверху, два человека посмотрят снизу. Если дверь чистая, увидим к девяти.

— К девяти вода поднимется до нижней ступени. Ты покажи, на что натянута верёвка, не открывай.

— Даже смотреть не буду, если успею поставить стопор раньше.

Ладка подняла монетку. На её ободке осталась полоска рыжего.

— А если кто-то стопор снял?

Рув провёл пальцами по пустому месту на столе, где лежала ложка. Когда он потом встал, фонарь оставил нам.

Я не знаю, сколько мне удалось проспать. Утром в прачечной тихо дымила печь. Госпожа Кремнехвостая завязала хвост вокруг талии, чтобы не наступили, и подливала горячую воду в котелок с кашей. На подоконнике стояла большая кружка, сверху кусок хлеба. Кремнехвостая двигала каждый предмет к стене, пока не оставила посередине сухой просвет.

— У тебя на глазах соль, — сказала она.

Я потёрла левый глаз. У левого уха на подушке завалялся кристаллик соли. Мне захотелось соскрести со щеки пыль и сесть в тёмное место. Кремнехвостая подала кружку. Она была тяжёлая и пахла сухими листьями.

— За воротами уже Рута стоит, — сказала она. — Попросила, чтобы я ей сказала, когда ты проснёшься. Тебе решать, хочешь её видеть.

Я позвала Руту сама. Она прошла с пустыми руками, остановилась у плиты, вытащила из рукава стеклянный напёрсток. На тесьме он оставлял складку на шее, и сегодня Рута намотала её на запястье.

— Мирек дома, — сказала она. — Он ударился снова, когда лестницу в баню нёс. Я оставила его с матерью. Грея мне вчера дала три мешка вместо двух. В третьем угля было на полмешка. Внизу лежал ключ.

Она положила на стол ключ из коричневой кости. Тот был длинный, с резным концом. Вдоль спинки выточена рыбья чешуя. В полостях между чешуйками забилась угольная пыль.

— Сама видела, как она его клала?

— Первый мешок на крыльцо бросили, второй за печь положили. Третий она сама держала за завязки, пока я дверь открывала. Отдала мне. Сказала, утром положу ключ Ладке у ступеньки под завёрнутой айвой. Я думала, уже отдала. А он лежал, пока мальчик в уголь лопатой не полез.

Рута поставила на стол свёрток с сухой айвой. Я развернула его. Айва была маленькая, с одной стороны треснула, в трещине сидела чёрная головка гвоздики. Ключ в свёрток хорошо вошёл бы. На половине бумажного угла остался отпечаток от шерстяной завязки.

— В каком часу Грея сказала оставить свёрток?

— К восьмому удару. Ключом пользуйтесь как знаете. Я за углём пришла. У меня дети дома спят в чужих куртках.

Я подняла крышку ящика. Там лежали две щепки, газета и один большой обломок полена. Я вынула его, взяла с крюка лопатку и достала тлеющий уголёк из печи. Рута не стала прикрывать уголёк рукой. Держала лопатку прямо, пока я укладывала сверху щепу. У двери Кремнехвостая подала ей свой платок. Я видела, как угли подсвечивают Рутину щёку, пока она идёт по улице.

После её ухода я развернула пальто. В нём высохла подкладка, но красное место было меньше, чем вчера. Узор на сухой половине проступал, если отодвинуть ворс пальцем. Я вынесла на стол соль. На этот раз услышала только один удар, где-то очень далеко, будто

железку положили на край печи. Потом появился голос Ладки. Из слов внятно разобрала одно: «ладонь». Труба под кухонной мойкой сначала звякнула, потом с гулом наполнилась водой. Я придержала трубу коленом. Трубу трясло, как дрожат маленькие ножницы, когда срезаешь тугой шов.

Кремнехвостая подняла крышку кувшина.

— Пошла? — спросила она.

Из крана вытекла грязная струя. Она остановилась. Дальше пошла чистая. Я держала ладонь под водой. На первом суставе осел красный, похожий на розовую пыль след. Вчера Ладка поймала такой же по очереди у четырёх домов. Грея могла на ночь открыть запасной отвод и дать людям воды. Могла кто-нибудь другой. У трубы с красной водой я слышала скрежет, которого не бывает у работающей пружины. Когда на трубе много воздуха, она умеет стонать. Скрежет шёл изнутри, короткий и ровный, как от напильника.

В дверь постучал Осип. Он стоял с приподнятой рукой, будто мог постучать ещё несколько раз. У него на лице было так много застывшей воды, что брови по краям поседели. С губ соскользнули две капли.

— Нижний стопор зажат, — сказал он, прожевал конец слова и выплюнул. — Вода пошла обратно. Дядя велел тебе сюда передать. Ладку дома не нашли. Мастер пришёл с верхним ключом, в караулке говорит, до обеда мы его потерпим, потом разойдёмся. Он руку из-под плаща вынул, а на руке штаны промокли.

— Что у него промокло?

— Рукав, — сказал Осип. — Я плохо спал. У меня сегодня всё штаны.

Он вытер лицо рукавом и посмотрел на стол. В раскрытой бумаге лежала айва. Рядом ключ. Осип снял с головы шапку, положил её на стул, потом взял обратно. Ему хотелось схватить ключ. Он достаточно долго работал у Рува, чтобы сперва спросить.

— Что это?

— То, чем отпирают дверцу ниже колеса. Рута принесла. Грея хотела, чтобы утром его взяла Ладка.

— Нижняя дверца с таким ключом откроется снаружи, — сказал Осип. — На внутренней замок простой. Рыбий зуб, он в углу специально срезан. Надо повернуть криво, иначе не пройдёт.

— Если он туда подходит, почему у Греи только один?

— Одного как раз достаточно, когда никого не ждёшь.

Мы свернули ключ в сухой носовой платок. Айву положили отдельно. Борох спал у остывшего медника на скамье, вытянув одну ногу под край. На одном плече жилета оставался небольшой след от мела. Осип осторожно потряс его за другое. Борох поднял голову. Он умел спать в любом месте, где можно устроить рог, и просыпался сразу, как будто досматривал один и тот же сон с открытыми глазами.

— Ладка у тебя была? — спросил Осип.

Борох посмотрел на крюк для пальто, где с утра висела только верёвка. На стене у крюка он всегда мог увидеть, если Ладка приходила, потому что она заправляла конец верёвки в петлю. Верёвка была заправлена. Борох вытащил из-под медника узкую записку, которую придавили ножкой, и положил на стол.

«Я у верхних труб. Если там не удастся перекрыть — иду к Руву. Пальто твоё дома оставлю. Спасибо за сухое».

Под словами «сухое» и «Руву» были разные линии. Одну провели один раз, вторую два. Так Ладка отмечала, какой части записки можно доверять. Пальто не было сухим, и она это знала. Рув должен быть у колеса. Если она ещё стоит у верхних труб, мы можем её встретить. Я отодвинула задвижку, выглянула на улицу. В сумерках улицу можно было узнать по запаху, а к утру ещё и по голым подошвам: там, где под камнем течёт отопление, голый человек даже

зимой пройдёт через улицу не прыгая. Сегодня подошв не было. Вдоль стены тянулась серая пустая полоса.

— Пойдём сразу к колесу, — сказала я. — Только пальто возьмём. И второй фонарь. Если она всё-таки туда пришла, ей понадобится свет сверху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.